

Новая газ. — 2001 — 12 — 18 марта — с. 23

Юрий Любимов в Театре на Таганке ставит «Театральный роман» М.А. Булгакова — эта премьера станет заметным событием Всемирной театральной олимпиады в Москве.

А в издательстве «Новости» готовится к выходу книга записок Ю.П. Любимова. Жизнь театра и жизнь его создателя продолжают развиваться, сюжет развивается — от трифоновского «Дома на набережной» к солженицынской «Шарашке»; от пушкинского спектакля «Товарищ, верь!» к новому «Евгению Онегину»; от «10 дней, которые потрясли мир» к «Хроникам» Шекспира.

Но, как выясняется, Юрий Любимов не считал и не считает Таганку 1960 — 1970-х годов политическим театром. И еще менее склонен мыслить глобально-злободневно в своих новых работах. Режиссера «Театрального романа» занимает проблема профессиональной рефлексии. Жизнь в искусстве. Самостояние человека.

Именно о самостоянии человека, не желающего зависеть от обстоятельства времени, и шел разговор известного режиссера с нашим корреспондентом

— Юрий Петрович, в вашей постановке «Евгения Онегина» сделана попытка осовременить Пушкина. Особенно когда строфы из «Онегина» исполняются на различные мелодии: частушек, колыбельной, а знаменитое «Мой дядя самых честных правил...» — в ритме хип-хопа... Не совсем понятно: для чего «энциклопедию русской жизни» понадобилось обновлять?

— В свое время для оперы Чайковского либретто «Онегина» было написано Шиловским. Причем Петр Ильич все время просил его держаться ближе к Александру Сергеевичу. И то ли от этого, то ли еще почему-то текст, мне кажется, получился слабым. И я в своей постановке то цитирую оперное либретто, то обращаюсь непосредственно к Пушкину.

А как пьеса «Евгений Онегин» вообще очень редко ставилась. Вот собрался Таиров поставить, и Прокофьев даже писал музыку, но так ничего у них и не состоялось.

К тому же все-таки автор был достаточно озорным человеком. В «Онегине», если внимательно прочитать все варианты и черновики, можно найти достаточно хулиганские вещи. Да и не только в творчестве он хулиганил, но и в жизни, недаром у него было двенадцать друзей.

— Ну и вы тоже решили немного похулиганить...

— Дело не во мне. После этого странного юбилея, который еще раз показал, что у нас ни в чем нет чувства меры, я позволил себе где-то посмеяться и над нами, и над юбилеем. Ведь это нелепо, что Пушкина нам порой насаждают, как ЕкATERИНА в России — картошку. Хотя я не претендую на то, чтобы нравиться всем, на то, что я все понимаю и все знаю. Наверняка моя постановка кого-то может раздражать, но все же тот же Пушкин что сказал — что художника можно судить только по его собственным законам.

— Незадолго до «Евгения Онегина» в вашем театре прошла премьера шекспировских «Хроник». Как мне кажется, одной из главных идей стало осмысление феномена власти?

— Это так, но лишь отчасти. Дело в том, что у нас чрезвычайно политизированная страна. Мы все время и во всем, где надо и где не надо, ищем политику. Я считаю вообще недоразумением, что еще со времен постановки «Доброго человека из Сезуана» Брехта к Таганке был приклеен ярлык политического театра. Ну зачем мне создавать политический театр, когда он создан Брехтом?

А я ставлю то оперы, то классиков: Мольера, Шекспира, Достоевского, — то наших современников...

Юрий ЛЮБИМОВ:

КАЖДЫЙ ИЗ НАС ЖИВЕТ В СВОЕМ ВРЕМЕНИ

— Современников вы почему-то не очень жалуete...

— Нет, это тоже один из ярлыков. Я же ставил Солженицына, Абрамова, Трифонова, Вознесенского, Мозаева и многих, многих других.

— Когда я упомянул о «Хрониках», я хотел спросить вас: как должны строиться отношения художника с властью?

— Желательно — никак. Идеальный вариант — это когда власть и художник существуют сами по себе.

Правда, у нас в стране все время переходные периоды, поэтому ничего понять нельзя. Что касается лично меня, то когда мне удается сделать что-то приличное на сцене — ощущаю, что живем и не в такие уж плохие времена.

Мы привыкли мыслить глобально — народами, эпохами. Я же люблю гово-

или нет. Она делает свое дело, а мы должны делать свое.

— Но все-таки условия вашей работы сейчас и при советской власти значительно различаются...

— Да, вы знаете, не очень. Ведь именно в перестроечные времена у меня отняли театр. Отняли коммунисты, но под прикрытием демократов. Ведь они не имели права этого делать. Во-первых, это не мое, а казенное, во-вторых, театр строился как единый ансамбль. Таким образом была испорчена архитектура, а нас лишили возможности спокойно работать. Сейчас в фойе стоят декорации, потому что за кулисами не хватает места. И спрашивается: идет ли краденое впрок? Про творчество я не говорю, я туда не хожу и им не судья.

— Про «Мастера и Маргариту» вы говорили, что он вышел по недосмотру чиновников...

— Да так и было. После премьеры «Мастера» чиновники принялись выяснять, кто мне разрешил его поставить.

А пока они разбирались между собой, «Мастер» шел. И самое удивительное то, что в спектакле мне не пришлось ничего изменять. Почти всегда меня заставляли по много

разрешил? Кто разрешил?

— В 70—80-е годы Таганка была форпостом интеллигенции, «островом свободы в несвободной стране» (по словам Натана Эйдельмана). Вам не обидно, что сейчас все изменилось?

— А у меня к вам вопрос: назовите мне какой-нибудь нынешний форпост интеллигенции. Есть ли что-либо подобное во всей необъятной России? Может, разве где-нибудь в сумасшедшем доме.

Так что мне несколько не обидно, и вообще я не люблю никаких знамен.

За каждым знаменем много крови. Мир упился кровью, мне кажется, что хватит. И при всех безобразиях сегодняшнего дня это лучше, чем коммунистический монстр, который погубил десятки миллионов людей. А мы собираемся снова Дзержинского на Лубянке поставить? Ну что это такое, как не бред?

— Цензуру, царившую раньше, сменил рынок. Вы на него ориентируетесь?

— Нет. Когда на Западе у меня спрашивали: «Вы у нас работаете по-другому, чем в Советском Союзе?» — я говорил, что точно так же, как и в Театре на Таганке. И сейчас спектакли ставлю исходя из какого-то своего чувства и вкуса, в надежде, что это будет интересно не только мне... Ведь если что-то задевает, то не может быть, чтобы это было интересно только мне одному.

— У вас вышла книга «Записки старого трепача»...

— Точнее, она уже третий год выходит в издательстве «Новости».

Это не мемуары. Книга получилась из записей, которые я начал вести, когда родился мой млад-

ший сын Петр, поскольку я тогда был уже в довольно преклонном возрасте и боялся, что уйду, куда все уйдем, прежде чем он сможет меня хорошо узнать. В этот своего рода дневник я заносил заметки о различных жизненных коллизиях, которые считал нужным записать на ходу между репетициями. Петру сейчас 21 год, аттестат зрелости (12 классов) он получил в Кембридже и учится на втором курсе одного из английских университетов. Он полиглот — говорит, читает и пишет на пяти языках.

— Вы живете то в России, то за рубежом, имеете несколько гражданств. Где же ваша родина?

— А вы знаете, что Александр Сергеевич сказал: «Где хорошо, там и родина», «Под небом Африки моей вздыхать о сумрачной России, где я страдал, где я любил. Здесь сердце я похоронил». И еще: «Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом». Вот о чем надо бы задуматься, а не бросаться высокопарными словами. Не надо красивых фраз, должно просто и по-человечески обращаться с другими тебе подобными. Ведь все довольно ясно: государство призвано работать на людей и улучшать их жизнь, люди должны быть по мере сил порядочны, и тогда в стране все будет нормально, и никому не придется замерзать.

...Но если все-таки сказать о самом главном, то стараюсь меньше врать, а также делать все, что могу, в силу своих возможностей и отпущенного мне Господом Богом таланта.

Александр СЛАВУЦКИЙ

Сцена из спектакля «Хроники»

рить от своего имени. Для каждого из нас идут свои времена. А власть что? Пусть занимается тем, для чего она и существует: создает условия, чтобы ее подданные получали приличную зарплату, жили как люди. Зачем про нее говорить, это же не женщина, которая может нравиться

— Зато там как выходной, так вечер юмора...

— У нас страна веселая, чего уж тут.

— В вашем театре идет премьера «Театрального романа»?

— Грядет. Я внутренне как-то очень связан и близок с Булгаковым. Ведь я один из

раз постановки переделывать, без конца их «сдавать».

Петр Капица называл меня «Живым», поскольку спектакль по Борисе Мозаеву «Живой» пролежал у нас два десятка лет...

А тут, с «Мастером», они без конца задавали только один вопрос: кто

Фото Паулы АРЧВАДЗЕ

18.03.01

Любимов Юрий